

НЕГЛАНДИЯ

ПОЛ ГЭЛЛИКО

ДЖЕННИ

Сборник

Художник Анастасия Безрудова

Москва
«Лабиринт Пресс»
2020

ДЖЕННИ

КАК ВСЁ ЭТО НАЧАЛОСЬ

Питер подумал, что его сшибла машина, хотя помнил только, как он вырвался от няни и побежал через дорогу к скверику, где полосатая уличная кошка грелась и умывалась на весеннем солнышке.

Няня закричала, что-то стукнуло, и сразу стало темно. А сейчас Питеру было больно, как тогда, когда он бежал за мячом, упал и ободрал ногу.

По-видимому, он лежал в постели, а няня как-то странно глядела на него, лицо у неё было не розовое, а белое, да ещё и маленькое, словно в перевёрнутом бинокле. Папы и мамы не было, но Питер не удивился. Папа редко бывал в Лондоне, а мама вечно куда-то спешила, наряжалась и уходила, оставляя его с няней. Конечно, в восемь лет няню иметь поздновато, но у мамы не хватало времени ни погулять с ним, ни посидеть перед сном, и когда папа сказал, что пора бы с няней расстаться, она сумела его переубедить.

Если Питер лежал в постели, значит, он был болен, а если ты болен, может случиться, что мама с тобой посидит, когда вернётся, и даже разрешит завести котёнка.

Котёнка он хотел, сколько себя помнил, лет с четырёх, когда летом на ферме увидел целую корзину белых и рыжих меховых клубочков и бело-рыжую кошку, которая гордо и нежно облизывала их одного за другим. Тогда ему разрешили её погладить. Она была тёплая, мягкая, и внутри у неё что-то урчало и подрагивало. Потом он узнал, что это бывает, когда кошке очень хорошо.

С тех пор он и хотел завести котёнка, но ему не разрешали. Жили они в небольшой квартире на Кэвендиш-сквер.

Папа, полковник Браун, в городе бывал редко и против котёнка не возражал, но мама говорила, что и так у них повернуться негде. Но главное — кошек боялась няня, а мама боялась, как бы няня не ушла.

Питер ко всему этому привык и знал, что такова жизнь, но тосковал он сильно и дружил со всеми местными кошками: и с чёрным белогрудым котом, и с двумя серыми котятами, которые всегда сидели на окне в доме № 5, и с рыжей зеленоглазой кошкой миссис Боббит из дома № 11, и с полосатой из соседней квартиры, и с персидской, которая спала на подушке в доме № 27, и гулять её не выпускали, и не водили, а носили на руках. А кроме того — с кошками бездомными, которые рыскали и по дворам, и по садику, пытаюсь отыскать хоть какую еду. Он таскал их домой, и как-то ему удалось тайком от няни продержать одну из них в комодке целых два дня. Вообще же няня гнала их шваброй, а если кошка забивалась в угол, хватала её за шкурку и выбрасывала за дверь. Питер уже и плакать перестал, то есть плакать он плакал, но тихо и даже без слёз.

А сейчас, лёжа в постели, он решил поплакать громко, но почему-то не смог. Да и всё было как-то непонятно: кровать качало, она куда-то плыла, нянино лицо становилось всё меньше, и ему казалось даже, что это не няня, а кошка, к которой он бежал через дорогу, когда его сшиб грузовик...

Собственно, это кошка и была, она сидела перед ним, улыбалась и ласково смотрела на него большими глазами, круглыми, как нянины очки. Он заглянул в них, и ему стало легче, словно он окунулся в прохладное изумрудное озеро. От кошачьей улыбки, наоборот, становилось уютно и тепло. Одно удивило его: в глазах, как и в очках, он отражался, но не мог узнать своего отражения. Голова была круглая, как будто кошачья. Он посмотрел на свои руки и увидел белые кошачьи лапы. И тогда он понял, что лежит не в постели, а на постели. Одеяла на нём нет, а сам он покрыт белым шелковистым мехом.

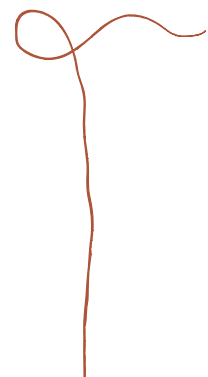
Полосатая кошка куда-то исчезла, и вместо неё у кровати появилась огромная няня.

— Брысь! — заорала она. — Ах ты, опять кота притащил!

— Няня! — закричал Питер. — Это я! Я не кот! Ой, няня!

— Я тебе помяукаю! — возопила няня и замахнулась на него шваброй.

Он забился в угол. Она схватила его за шкурку и понесла к дверям на вытянутой руке, хотя он беспомощно болтался и жалобно кричал. Причитая и бранясь, она пробежала вниз по лестнице, вышвырнула его на улицу и с силой захлопнула дверь.

КАК ПИТЕР БЕЖАЛ С КЭВЕНДИШ-СКВЕР

На улице было холодно и сыро, солнце скрылось, небо обложило тучами, и начался дождь.

От страха и тоски Питер взмаякнул так жалобно, что женщина из дома напротив сказала мужу:

— Господи! Прямо как ребёнок.

Она отодвинула занавеску, и Питер закричал ей:

— Пустите меня! Пожалуйста! Меня выбросили из дому...

Но соседкин муж ничего не понял и сказал так:

— И откуда они берутся? А ну брысь!

Тут к дому подъехал газетчик на велосипеде и в надежде на чаевые поддержал клиента, стукнув Питера по спине туго свёрнутой газетой. Питер кинулся прочь, сам не зная куда, чудом увернулся от огромной машины, но его окатило грязной водой.

Мокрый насквозь, он в первый раз огляделся и увидел очень странный мир, состоявший главным образом из тяжёлых ботинок и туфель на высоких каблуках. Кто-то сразу наступил ему на хвост. Питер заорал, и сверху раздался злой голос:

— Так и шею сломаешь! А ну брысь!

После этого вторая нога ловко ударила Питера прямо в бок, и несчастный, себя не помня от страха, кинулся неведомо куда.

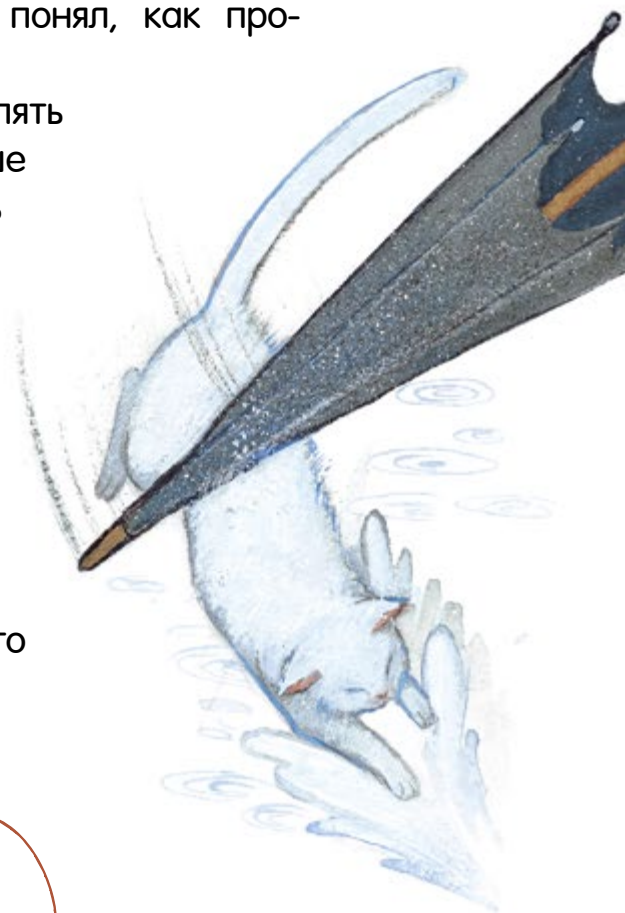
Лондон стал совсем другим, и всё, что прежде так привлекало и радовало — звуки, запахи, светлые витрины, голоса, шум и шорох колёс, — теперь пугало его больше и больше. Прижав уши и вытянув палкой хвост, Питер бежал по дождливому городу, то выскакивая на ярко освещённые улицы, то ныряя в чёрные аллеи и кривые переулки. И на свету, и в темноте было одинаково страшно, а хуже всего был дождь.

Когда Питер был ещё мальчиком, он дождь любил, но коту очень трудно под дождём. Мех у него слипся клочьями и больше не грел, холодный ветер хлестал прямо по обнажившимся полоскам кожи (а у котов кожа тонкая), и, как быстро Питер ни бежал, согреться он не мог. Холодно было и подушечкам на лапах, прикасавшимся к мокрым плитам. Но хуже всего было не это: весь город, совершенно весь, стал ему врагом. Раньше он звуков не боялся, а теперь они просто били его по голове, и среди них оказалось много ему неизвестных. Увидев столики под тентом, он сунулся туда, но тут раздался визг: «Ой, платье, платье!», знакомые крики: «А ну брысь!» — и, кроме ног, замелькали ещё и зонтики. Увернувшись от них, он юркнул под машину, но раздались такие звуки, которые и описать нельзя, машина тронулась, и он едва успел спастись.

Так, шараясь от людей и машин, он добежал до бедных кварталов, где жизни не было уже от запахов. Не было там и крова, и никто не собирался ни приласкать его, ни покормить, хотя именно теперь он понял, как проголодался.

Питер бежал, останавливался, опять бежал, опять стоял, думая, что больше бежать не в силах, но хлопала дверь или вывеска, разбивалась бутылка, и мальчик, обратившийся в котёнка, кидался прочь.

Улицы снова изменились, и он всё медленней бежал мимо огромных зданий и железных ворот, пересекая иногда узкие рельсы. Видел он и склады в слабом свете фонарей, а потом и доки, потому что дикое его бегство вело его вниз по Темзе.

Когда бежать он больше не мог, он заметил открытую дверь, из-за которой приятно пахло. За ней оказались мешки с зерном, а на полу была солома. Цепляясь за мешки когтями, Питер взобрался наверх, примостился поудобней и услышал:

— А ну брысь!

Голос был не человеческий, но Питер всё прекрасно понял, открыл глаза — и, хотя на складе света не было, ясно увидел большого бурого кота с квадратной головой и уродливым шрамом на носу.

— Простите, — сказал Питер, — я не могу уйти, я устал.

— Вот что, сынок, — сказал бурый кот. — Это место моё, понятно? Давай уматывай!

